

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕКСИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Адрес: Мексика 06140 г.Мехико, район: Иподромо Кондеса, квартал:
Куаутемок, проспект Хосе Васконселос 204.
Телефоны: 5516-0870, 5273-1305, Факс: 5273-1545
E-mail: embrumex@hotmail.com

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Пресс-конференция по итогам заседания глав государств и правительств «Группы двадцати»

Вопрос: Были ли сегодня приняты решения по новой мировой финансовой архитектуре и насколько эти решения справедливы, с Вашей точки зрения, учитывая, например, и то, что, насколько я понял, сегодня о глобальной резервной валюте речь так и не зашла?

Д.Медведев: Во-первых, я хотел бы всё-таки, если говорить серьёзно, начать с благодарности английской стороне. Они провели очень большую работу, лично Гордон Браун как Премьер-министр Великобритании, потому что организовать такого рода саммит, где представлены крупнейшие экономики – и не «восьмёрка», а «двадцатка» плюс международные организации, – это непростое дело. Тем более что он посвящён не каким-то глобальным, но общим вопросам, он посвящён самым острыми, самым актуальными вопросам, а именно кризису. Поэтому я хотел бы отметить и высокую организацию работы, и блестящую подготовку, которая была проведена правительством Великобритании.

Если же говорить о результатах, то это результат коллективной работы, а не только деятельности одного государства или нескольких государств. И надо сказать откровенно и прямо: я считаю, что государства проявили весьма ответственный подход. Я даже больше скажу. Если первый саммит в Вашингтоне всё-таки был в известной мере ознакомительный, хотя и явился прямой реакцией мирового сообщества на глобальный финансовый кризис, некоторые вещи, которые мы там обсуждали, действительно носили весьма общий характер, и в конечном счёте декларация, которая была принята, означала лишь набор тем и согласие действовать по определённым принципам, то сейчас всё по-другому: та декларация, или, вернее говоря, коммюнике, которое только что принято, содержит вполне конкретный набор тем и вполне конкретный набор решений, касающихся преодоления глобального финансового и экономического кризиса.

И в этом смысле, я полагаю, та работа, которая была проведена, увенчалась результатом. Это шаг вперёд, шаг в правильном направлении. Конечно, мы не могли решить всех вопросов, да такая цель и не стояла, но мы посмотрели на ситуацию уже глазами 2009 года, мы посмотрели на ситуацию в развитии. И все те решения, которые были приняты и по финансовой поддержке, и по стабилизации на рынках наших стран, и по протекционизму, и по ответственности государств за их макроэкономическую политику, и по судьбе финансовых институтов, – это всё абсолютно конкретные серьёзные решения, адресованные в будущее.

Это не значит, что эти решения во всём являются решениями прямого действия, хотя среди них есть и такие, но это означает, что в ходе дальнейшей работы, которая будет продолжена, могут быть подготовлены уже и международные соглашения на эту тему.

Отвечая на последнюю часть Вашего вопроса о «наднациональной валюте», «супервалюте», «международной резервной валюте», я хотел бы сказать, что эта тема

действительно не самая простая, и уж точно никто не рассчитывал, что сегодня мы будем принимать решения по ней. Задача сейчас заключается в том, чтобы наши национальные валюты чувствовали себя нормально. Задача заключается в том, чтобы международные резервные валюты также были предсказуемы. Но это не означает, что нас устраивает в целом ситуация с национальными резервными валютами. Это означает, что мы должны подвергнуть эту ситуацию самому серьёзному анализу. И сегодня в принципе это было сделано. Я хотел бы отметить, что даже в параграф 12-й коммюнике внесена соответствующая позиция: о том, что мы предпримем все усилия для того, чтобы проводить сбалансированную монетарную политику, финансово-кредитную политику. Что предполагает и подразумевает, потому что это было сделано с подачи российской делегации, что мы вернёмся к этому вопросу, обсуждая его как на уровне Международного валютного фонда, так и в рамках «большой двадцатки». Такая работа будет продолжена.

Вопрос: Не задать этот вопрос было бы преступлением. Вы встретились с Президентом США Бараком Обамой. Вам удалось взглянуть ему в глаза. Вы там что-нибудь увидели?

Д.Медведев: Понятно. Хорошо, что мы всегда действуем уже в заранее согласованных рамках насчёт глаз и всего остального.

Вы знаете, я действительно рад тому, что познакомился с Президентом Соединённых Штатов. Это была хорошая встреча. И мне показалось, что нам удалось найти контакт. Конечно, это ещё самая первая встреча. Впереди Москва – уже тот визит, который состоится летом этого года. Но то, что мы на многие вопросы смотрим одинаково, это я могу сказать абсолютно точно.

При этом, конечно, сохраняются те расхождения, о которых хорошо известно. Я не могу сказать, что мы сильно продвинулись по наиболее сложным вопросам. Но этого и не ожидалось. Главное, и мне это хотелось бы специально сказать, что Президент Соединённых Штатов Америки умеет слушать и умеет давать точные ответы на вполне конкретно сформулированные вопросы. Я думаю, что это очень ценный опыт для любого руководителя, тем более для руководителя такого государства, как Соединённые Штаты Америки.

Поживём – увидим. Я, во всяком случае, буду ожидать в гости своего американского коллегу. Уверен, что эта встреча будет и интересной, и продуктивной, тем более что планы неплохие. Вы знаете о них: это и подготовка рамочного пока варианта соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений и некоторые другие вещи. Так что поживём – увидим. Я этой встречей доволен.

Вопрос: Дмитрий Анатольевич, в коммюнике саммита записано, что страны «двадцатки» потратят до конца следующего года пять триллионов долларов на развитие своих экономик. Не могли бы Вы сказать, как эта цифра была выработана, каким Вы видите вклад России в эту цифру и, вообще, давал ли кто-то конкретные обещания по цифрам?

Д.Медведев: Если Вы успели ознакомиться с коммюнике, его текст ещё совсем недавно дорабатывался, там действительно говорится о финансовой поддержке различных государств и о мерах, которые будут предприняты на уровне международных финансовых институтов. В общей сумме такие программы определены действительно в размере пяти триллионов, но это подсчёт, который был осуществлён экспертами, и он, конечно, включает в себя самые различные национальные программы, которые существуют во всех странах, в том числе в Соединённых Штатах Америки, в Евросоюзе, естественно, в Китайской Народной Республике, у нас в стране. Это совокупная оценка, которая, конечно, распадается на поддержку собственно банковской системы, поддержку национальных предприятий – того, что называется реальным сектором, и это те программы, которые уже реализуются.

Если же говорить о том объёме помощи, который был сегодня зафиксирован по линии международных финансовых организаций – прежде всего МВФ и Мирового банка, – то такого рода объём помощи составляет 1 триллион 100 миллиардов долларов и распадается тоже на несколько составляющих. Он включает в себя и прямую помощь, о которой договорились государства, он включает в себя и помощь в виде так называемых специальных прав заимствования, SDR, и некоторые другие формы поддержки. Но, естественно, параметры предоставления этой помощи, механизм предоставления ещё будут определяться. Тем более что это очень большие деньги, и, конечно, мы бы хотели, чтобы прежде, чем такого рода помощь распределялась, и сам Международный валютный фонд всё-таки изменил ряд своих характерных черт – чтобы он стал немножко другим, чтобы изменились его функции, поменялся порядок принятия решений. Но тем не менее договорённость о такой помощи была действительно сегодня достигнута.

Что касается нашего вклада. Мы свою позицию на эту тему уже давно сформулировали. Наша позиция заключается в том, что мы будем предоставлять помощь в тех размерах, которые, естественно, ещё подлежат окончательному согласованию, но значительная часть этой помощи, уже сегодня мы можем сказать, пойдёт по линии так называемого антикризисного фонда стран ЕврАзЭС, который, как вы знаете, сейчас создаётся, и общий объём этого фонда определён в 10 миллиардов долларов, а также по линии наших двусторонних соглашений с государствами, с которыми мы состоим в таких контактах. С государствами, которые имеют кредитные линии от Российской Федерации и которые сегодня нуждаются в поддержке ввиду довольно сложного положения в их экономиках. Это, как правило, соседние государства. Мы исходим из того, что такого рода помощь будет засчитываться в общий объём той поддержки, которая оказывается по линии всего международного сообщества. Вот сегодня ситуация такова.

Вопрос: Дмитрий Анатольевич, при предыдущем Президенте США во многом проблемы в российско-американских отношениях сглаживались именно благодаря хорошим личным отношениям между лидерами. За те полтора часа, которые у Вас были на общение с Президентом Обамой, установились ли у Вас хорошие личные отношения? И в дополнение к этому вопросу. Мало было сказано о противоракетной обороне: может быть, Вы видите какие-то подвижки в этом вопросе?

Д.Медведев: Насчёт хороших отношений – мне бы хотелось на это рассчитывать. Конечно, личные отношения между лидерами государств имеют довольно серьёзное значение – это правда, здесь нечего скрывать. Но это ещё не всё. Можно иметь превосходные личные отношения и весьма тяжёлые государственные отношения. И мы знаем, как это происходило иногда и даже в недавней истории.

Но тем не менее хорошие личные отношения являются очень благоприятным фоном для того, чтобы развивать межгосударственные отношения. Мне понравилась беседа, которая была у меня с Президентом Соединённых Штатов Америки. Беседовать с ним легко. Ещё раз повторяю: он умеет слушать и умеет давать полноценный развёрнутый ответ, причём откровенный ответ, на самые сложные вопросы. Потому что мы обсудили всё, включая те вопросы, по которым мы действительно с Соединёнными Штатами довольно резко расходимся. Мы говорили и о противоракетной обороне, говорили о расширении НАТО, говорили о событиях августа прошлого года. Откровенно говорили. Я рассказал Президенту о том, что предшествовало всем этим событиям. Не знаю уж, насколько для него эта информация была новой, но надеюсь, что кое-что всё-таки ему тоже запомнилось.

Так что я считаю, что начало такого рода отношений хорошее, благоприятное.

Что же касается темы ПРО, то, конечно, это одна из самых сложных тем. Мы касались этой темы и договорились, что разговоры на эту тему, контакты, обсуждения этой темы будут продолжены. Во всяком случае (я об этом говорил уже после первого разговора с Президентом Соединённых Штатов Америки Бараком Обамой ещё по телефону), мне как минимум показалось, что наши партнёры по этому вопросу не занимают примитивной позиции, а готовы обсуждать различные варианты. И это уже важно. Потому что до этого мы слышали совершенно другое: какая разница, там какие-то жалкие несколько десятков ракет, мы всё уже решили, хотите – приезжайте посмотрите, что там будет делаться, может быть, если вас ещё туда пустят, а так всё уже, вопрос закрыт.

Сегодня совершенно другая манера изложения вопроса, совершенно другой подход к обсуждению этой темы – вот это меня весьма и весьма устраивает.

Вопрос: Дмитрий Анатольевич, все участники саммита согласились с тем, что нужно быть более открытыми, что нужно раскрывать информацию о собственниках компаний, о сделках, о слияниях и поглощениях, в том числе о бонусах и премиях, которые выплачиваются руководству компаний. В Америке уже принята инициатива о налогообложении бонусов. Может быть, в России подумать о том, чтобы ввести законодательные ограничения на премии и бонусы компаниям, получившим государственную поддержку?

Д.Медведев: Вы знаете, я считаю, что это абсолютно правильная тема, и мы в нашем коммюнике действительно зафиксировали, что в соответствии с теми финансовыми стандартами, которые сегодня приняты, за этими параметрами необходимо следить. Что было сделано в Соединённых Штатах Америки, в некоторых европейских странах, и я считаю это абсолютно справедливым. В период кризиса, когда тяжело всем, прежде всего нашим людям, которые имеют совершенно обычные доходы, не время выплачивать бонусы в таких завышенных размерах.

Мы знаем, какие вознаграждения, какие премии выплачивались за границей. Что, собственно говоря, в известной мере привело к тяжёлой кончине некоторых финансово-кредитных учреждений. У нас тоже есть примеры весьма высоких вознаграждений. Это, конечно, дело компании, но, если компания получает поддержку от государства или если компания является государственной, с точки зрения собственника, то есть компания принадлежит государству полностью или в значительной части, я считаю, что наши уважаемые менеджеры, руководители этих компаний, должны самоограничиться. Даже если они уже приняли решение о выплате себе высоких компенсаций, можно это решение поменять. И я после возвращения в Россию обязательно такие рекомендации Правительству и, соответственно, государственным компаниям, компаниям с госучастием и компаниям, которые получают соответствующие формы поддержки от государства, обязательно выдам. Нужно вести себя прилично в такой ситуации.

Вопрос: К саммиту «двадцатки» все задавали вопрос: те решения, которые здесь приняты, это начало конца кризиса или это очередной этап подготовки, развития чего-то. Чего ждать людям? Это начало конца кризиса или нет?

Д.Медведев: Вы знаете, мне бы хотелось сказать, что это перелом, но, как ответственный человек, я так говорить не буду.

Потому что – мы об этом говорили неоднократно, и я ещё раз вынужден об этом сказать – закономерностей развития этого кризиса пока не знает никто. Тем не менее ряд тенденций в финансовой сфере, в сфере производства, которые существуют в большинстве стран, показывают, что мы не только катимся вниз, под уклон, но и по каким-то моментам всё-таки наступают элементы стабилизации. Это пока не затрагивает экономики в целом, не отражается, к сожалению, на показателях жизни, на уровне доходов. Но где-то всё-таки по отдельным узлам происходит стабилизация. Если это так, значит, у нас есть шансы в какой-то момент всё-таки уже принять целую совокупность решений, которые помогут нам выйти из этого крутого пике кризиса.

Я не возьмусь, конечно, сегодня сказать, что после сегодняшних решений ситуация радикально поменяется. Сегодня во многом мы залатываем бреши, которые возникли в финансово-кредитной системе и в мировой экономике в целом ещё три, четыре, пять лет назад. Но не надо было, собственно, экономики перегревать до такой степени, что в конечном счёте это привело в известной степени просто к остановке финансовой жизни и, самое печальное, к утрате доверия и к падению уровня жизни миллионов и миллионов людей.

Поэтому и выход из этого кризиса скорее всего будет более продолжительным, чем нам бы того хотелось. Но то, что мы сегодня встретились и обсудили эти вопросы, обсудили в абсолютно конкретном ключе, – это очень неплохо. И ещё одна вещь, которую сегодня отмечали все участники: двадцать – двадцать пять лет назад невозможно было себе представить ситуацию, когда столь разные государства, со столь разными экономиками, разными ментальностями, историческими традициями, сели бы за один стол и смогли договориться в такой тяжёлой ситуации о том, как действовать. Причём достаточно быстро договориться. Сегодня вспоминали уроки Великой депрессии – ведь всё началось в двадцатые годы, а договорённости возникли в конце Второй мировой войны. Для того чтобы осознать, что депрессия влияет на все мировые экономики, да и тем более, как вы знаете, ряд государств не участвовали в этих обсуждениях, потребовалось 15 лет и одна война, очень серьёзная.

Та скорость, с которой мы действуем, как минимум наводит меня на мысль о том, что многие из решений, которые мы принимаем, будут достаточно эффективными.

Вопрос: Дмитрий Анатольевич, насколько нам известно, Вы сегодня упоминали о проблеме протекционизма на саммите и даже говорили, что Россия готова отказаться от таких мер. О чём идёт речь: о мерах, которые уже приняты, мы откажемся от дальнейшего введения каких-либо заградительных пошлин или мы будем смотреть на то, как остальные страны ведут себя по этому вопросу?

Д.Медведев: Вы знаете, протекционизм – тема тяжёлая, потому что почти все страны клянутся в приверженности делу борьбы с протекционизмом, отказываются от протекционизма, а де-факто всё равно принимают защитные меры. И мотивы принятия этих решений довольно легко объяснить, потому как, когда возникают проблемы на конкретных предприятиях, в конкретных коллективах, большинство руководителей стран, большинство руководителей правительств делает выбор в пользу национальных интересов. Но в целом протекционизм – это вредная для мировой экономики штука. Это все прекрасно понимают. Поэтому по протекционизму были сделаны специальные заявления в рамках того коммюнике, которое мы приняли.

Что это означает? Это означает, что мы, конечно, должны воздерживаться от принятия примитивных защитных мер, которые блокируют торговую деятельность и блокируют работу на рынках. Мы должны внимательным образом отнестись к тем мерам, которые уже приняты. Если эти меры, это касается всех и России в том числе, покажут, что они не эффективны, тогда от таких мер следует отказываться. Но в некоторых случаях, и мы об этом открыто говорили, и я об этом говорил своим коллегам, нам нужно ещё убедиться, что такие меры не действуют или, наоборот, наносят вред интересам иностранных производителей, иностранным государствам.

Поэтому вопрос протекционизма абсолютно конкретный, штучный, связанный с конкретными ситуациями. Я не буду приводить элементарных примеров, но очевидно, что с момента проведения вашингтонского саммита уже насчитывают от ста до семисот случаев протекционизма в мире. Это означает, что жизнь берёт своё. Тем не менее позиция лидеров государств простая: протекционизм в период кризиса как явление в целом вреден, и ему нужно ставить заслон.

Спасибо вам большое.